

Зеркес толкнул дубовую дверь кабинета, но оставшийся в воздухе аромат сандала не смог разогнать тяжесть у него на сердце.

Он небрежно бросил черную мантию на спинку стула и пальцами с отчетливо выступающими суставами помассировал занывшие виски.

Мелькнувший в коридоре силуэт Снейпа в черной мантии, словно несмываемый след туши, снова и снова всплывал в памяти.

Это чувство знакомости было слишком странным.

Раньше он никогда ничего подобного не испытывал к незнакомцам, но ледяное спокойствие и едва уловимая усталость на дне глаз Снейпа почему-то необъяснимо тронули его.

Он подошел к письменному столу, сел, рассеянно оглаживая кончиками пальцев древесный узор на столешнице, и в конце концов не смог побороть трепет в груди — он собирался снова совершить пророчество.

Зеркес закрыл глаза, а когда открыл их снова, ледяная голубизна его левого глаза уже сменилась кроваво-красным.

В отличие от прошлых видений, довольно смутных и прерывистых, на этот раз пророчество словно сорвало какую-то преграду: каждая сцена была настолько четкой, будто он проживал ее сам, однако взгляд с высоты птичьего полета не позволял ему отвлечься.

В полумраке пещеры чешуя василиска отливала холодным блеском, а тело Темного Лорда постепенно обретало плоть в испарениях котла;

На квиддичном поле Хогвартса рука Гарри Поттера слегка дрожала на рукояти метлы, Дамблдор сидел на трибуне, и в его взгляде за стеклами очков таился сложный расчет, где каждый указанный шаг словно прокладывал путь к обреченной на кровопролитие войне;

Ветер на вершине Астрономической башни был необычайно пронзительным: противостояние Дамблдора и Пожирателей смерти, его падение с башни, палочка, выскальзывающая из рук — на этот раз он наконец разглядел фигуру, произнесшую Авада Кедавра:

Черная мантия, орлиный нос, суровый профиль — это безошибочно был Снейп!

Дыхание Зеркеса внезапно перехватило, но видение не прекратилось.

Он увидел Снейпа в комнате на Паучьем тупике, вновь и вновь перебирающего фотографию женщины;

Увидел, как в кабинете Дамблдора тот дрожащим голосом пообещал защитить его;

И наконец — Визжащую хижину, где клыки Нагини пронзают шею Снейпа, и то, как в его глазах, когда он передает воспоминания Гарри, раскаяние и любовь наконец прорывают скованную годами ледяную корку.

Оказывается, все холодное безразличие и предательство служили лишь защите давно угасшего обещания.

Кроваво-красное сияние исчезло из глаз, Зеркес резко начал тяжело, судорожно дышать, холодный пот покатился по вискам, пропитывая одежду на спине.

Опираясь на письменный стол, он поднялся, ноги были настолько ватными, что он едва держался на ногах, а из-за чрезмерной траты ментальных сил в глазах рябило от темноты.

Плетясь шагом, он добрался до железного ящика в углу, палочкой отпер замок и среди вороха подписанных флаконов с зельями выудил одну прозрачную, бесцветную склянку.

Выдернув пробку, он проглотил горькую жидкость, и знакомое тепло постепенно растеклось по всему телу, едва позволяя заглушить удар и усталость от пророчества.

Он вернулся к письменному столу, а в голове все еще звучал прощальный взгляд Снейпа, обращенный к Гарри.

Из глубин ящика вылетела темно-коричневая записная книжка в кожаном переплете. На обложке не было никаких узоров, только в углу тиснением выделялся крошечный символ Даров Смерти — это был его личный блокнот, куда он заносил ключевые сведения из пророчеств.

Он отвинтил чернильницу, и шуршание пера, скользящего по бумаге, стало единственным звуком в кабинете.

На странице с записью о возрождении Волан-де-Морта он красными чернилами написал более точное время;

Затем последовали важные события последних лет из школьной жизни Гарри Поттера;

Наконец он надолго замер над строкой о событиях на Астрономической башне, кончик пера занесся над бумагой, но в конце концов он лишь тяжело обвел ее живым кругом.

Величайший белый маг этого столетия, строивший планы всю свою жизнь, рассчитывавший каждый шаг трижды, включивший в свой расчет даже собственную смерть.

Столкнувшись с проклятием, источаемым Дамблдором, и тщательно спланированным для себя финалом, он пока не мог придумать ни единого способа всё исправить.

Страница быстро заполнилась густым текстом и символами, и временная шкала ключевых событий четкой нитью раскинулась перед глазами.

Но Зеркес отложил перо, а когда его пальцы коснулись знака вопроса рядом с именем Снейпа, чувство диссонанса не исчезло, а стало еще сильнее.

Он же ясно увидел в пророчестве всю подноготную Снейпа: от одержимости Лили до обещания Дамблдору и финальной защиты ценой собственной жизни.

И все же это чувство знакомости проистекало вовсе не из увиденных картинок, оно походило на печать, высеченную в самом глубинном уголке памяти, не имеющую ничего общего с историей из пророчества.

Словно видишь человека, чье лицо точь-в-точь как у старого знакомого, и даже зная всю его биографию напролет, всё равно инстинктивно чувствуешь — что-то здесь не так.

Он снова взял блокнот, перевернул на чистую страницу и механически принялся выводить пером черты Снейпа: орлиный нос, плотно сжатые тонкие губы, падающие на лоб черные пряди — каждая линия передана с безупречной точностью, но стоило дойти до глаз, как кончик пера вдруг замер.

Он уставился на холодный взгляд со страницы и неожиданно вспомнил раннее детство, то время до того, как Грин-де-Вальд забрал его с собой, и те черные глаза — вот только воспоминание было слишком расплывчатым, и никак не удавалось вспомнить, кому именно они принадлежали.

Да в чем же дело... — тихо пробормотал себе под нос Зеркес, захлопнув блокнот и с усилием сжав пальцами переносицу.

Он машинально принялся тереть ожерелье на шее, кулоном в котором служила крошечная скляночка для зелий.

Пророчество уже сорвало покров тайны со Снейпа, но это неотвязное ощущение родства жалобным острым шипом впилося в сердце, не позволяя обрести покой.

<http://bllate.org/book/21836/2262658>